

Марина Боева

Пейзаж с деревом

Марина Валерьевна Боева
Пейзаж с деревом
Серия «Детская книжная вселенная»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74224876

*Марина Боева «Пейзаж с деревом»: Издательство «Четыре»; Санкт-Петербург; 2026
ISBN 978-5-908132-45-9*

Аннотация

Эта повесть о дружбе, любви и прощении. В недалёком будущем Кирилл живёт с дедом-художником, который посвятил свою жизнь искусству и воспитанию внука. К сожалению, подросток не знает, что такое цвета, так как на момент его рождения планета оказалась окутана чёрно-белой палитрой. Однажды весной он встречает девочку по имени Ярославна, и эта неожиданная встреча запускает цепь событий, способных изменить судьбу его семьи и повлиять на весь окружающий мир.

Все персонажи этой повести являются вымышленными. Любое совпадение с реальными людьми представляет собой случайность.

Содержание

Глава 1. Неожданное знакомство	5
Глава 2. В гостях у мэра	29
Глава 3. Дружба и надежда	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

© М. Боева, текст, 2026

© Издательство «Четыре», 2026

* * *

Это художественное произведение. Имена, персонажи, предприятия, места, события и происшествия являются либо плодом воображения автора, либо используются в вымышленном контексте. Любое сходство с реальными людьми, живыми или умершими, или реальными событиями является случайным.

*Пусть этот мир всегда радует нас
разнообразием красок.*

Глава 1. Неожданное знакомство

Егор Лаврентьевич, увлѣкшись пейзажем, не заметил, как наступила ночь. Он положил кисть и овальную палитру на тумбу, бережно накрыл завершѣнную картину тонкой льняной тканью. Устойчивый мольберт-тренога стоял возле широкого арочного окна: за ним открывался вид на размытые, окутанные сумеречной дымкой очертания холмов. Тѣмные облака, затянувшие небо, расступились, обнажив полный диск луны. Она озарила светом мастерскую со стеллажами, заполненными холстами и папками с набросками рисунков, баночками разбавителей и лаков. Картонные коробки хранили тюбики чѣрных и белых красок. Старик провѣл рукой по седым усам и аккуратно подстриженной бороде. С трудом передвигая онемевшие от долгого стояния ноги, он покинул комнату. Опасаясь разбудить внука в поздний час, художник осторожно спустился по слабо освещѣнной обветшалой лестнице. Одна из деревянных ступенек предательски скрипнула: хозяин то ли не находил времени забить в неё гвоздь, то ли не хотел разрушить воспоминания о годах, проведенных в доме. В длинном коридоре первого этажа он остановился возле вереницы семейных фотографий, развешенных на стене, обшитой дубовыми панелями, и ласково посмотрел на портрет супруги. Прошло более сорока лет с тех пор, как он запечатлел на снимке девушку в кисей-

ных кружевах и сохранил её юный образ на долгую память. В тот летний день они впервые открыли калитку с затейливым декором из витиеватых стеблей и листьев, встроенную в кованое ограждение уютного дворика. Обрамлённый ухоженным газоном, посередине стоял кирпичный дом, который украшал великолепный козырёк над входом и фонари оригинальной формы. Фасад сиял окнами с ажурными подвесными крючками для цветов. Мансарду венчала черепичная крыша. Разглядывая нежные черты любимой в тонком рамочном стекле, старик увидел отражение своего лица, иссечённого мелкими морщинами, вздохнул и продолжил путь в гостиную.

Свет хрустальной люстры, свисающей с белёного потолка, рассыпался сверкающими кристалликами по обеденному столу, взятому в кольцо хороводом изящных стульев. В комнате было прохладно. Мужчина, ощутив озноб во всём теле, поспешил разжечь огонь в камине. Устроившись напротив, он утонул в глубоком кожаном кресле и укрылся плюшевым пледом. Потрескивание сосновых поленьев напомнило Егору Лаврентьевичу беспечное далёкое детство. Озорным мальчишкой, представлявшим себя справедливым разбойником Робин Гудом, он с увлечением лазил по деревьям. Бегал в луговых травах под небесной лазурью, ощущая величие мира вокруг и собственную свободу. Плавал в реке, наслаждаясь пронзительной свежестью воды, пока не замёрзнет. Согреваясь у костра с друзьями, уплетающими запечён-

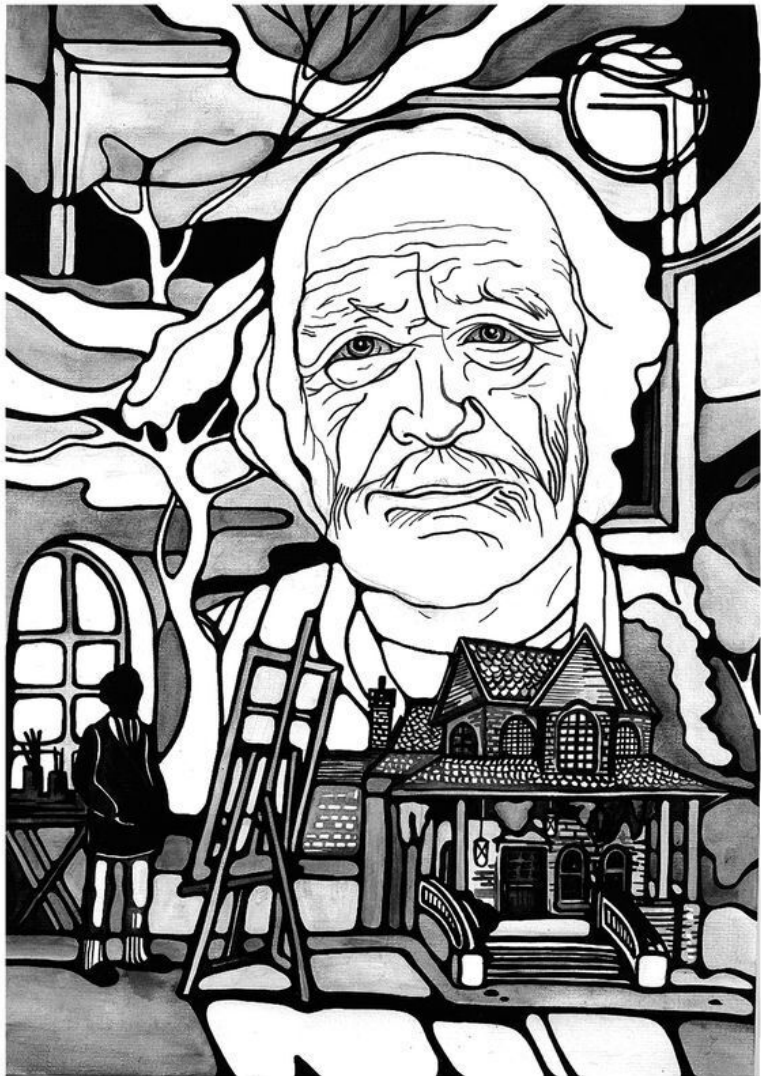
ную картошку, рассказывал им выдуманные истории о рыцарских подвигах. А вечером спешил в клуб смотреть на вальсирующие пары, где звуки аккордеона наполняли душу праздничным волнением. Но больше всего он любил пасти коров на пастбище и переносить на альбомные листы карандашные образы животных, растений и насекомых. Эти моменты казались особенно ценными. В тишине естества время словно замедлялось.

Юношей он приехал в город и поступил в реставрационное училище. Со временем стал преуспевающим, тонко чувствующим красоту живописцем. Его картины изображали изменчивые состояния природы и отличались неповторимым колоритом, участвовали в крупных выставках и успешно продавались. В тридцать лет пейзажист женился и приобрёл собственный дом.

В раздумьях о давних временах под гул бившегося в очаге пламени Егор Лаврентьевич задремал.

Ранним утром в гостиную вошёл высокий четырнадцатилетний подросток, одетый в ученический костюм из терморегулирующей ткани с противомикробным покрытием. На лацкане пиджака светился логотип в виде символа Солнца – окружность с точкой внутри. На запястье левой руки у него красовался электронный браслет, дополненный GPS-трекером, который помогал выстраивать маршруты и имел кнопку вызова помощи в экстренной ситуации. Подобные устройства были обязательны для всех школьников. Мальчик бе-

режно поставил на стол, покрытый кружевной скатертью, серебряный поднос с тарелкой горячих бутербродов, чашечками свежесваренного кофе и кувшинчиком сливок. Он подошёл к окну и раздвинул плотные бархатные шторы. В дальнем углу на чёрной крышке рояля появились сияющие блики. Солнечные зайчики соскочили с полированной поверхности на паркетный пол, обследовали изогнутую спинку дивана у стены, заплясали по бумажным полосатым обоям и задержались на фарфоровой посуде в старинном буфете возле двустворчатой двери.

Дедушка открыл глаза и приподнял склонившуюся на грудь голову.

– Вот опять уснул в кресле... Приснилось, как мы с Ольгой поднимались на вершину холма рядом с домом. Под пение птиц встречали первые лучи рассвета и смотрели на солнце, представляя его огромным спелым яблоком. – Егор Лаврентьевич рассказывал о бабушке Кирилла.

Плед соскользнул с его сутулых плеч. В нише камина лежали прогоревшие угли.

– В молодости она любила собирать фиолетовые колокольчики, ставить букетики в вазы и украшать наши комнаты. Это были чудесные времена, наполненные радостью. Когда я проводил её в последний путь, ты остался единственным рядом со мной.

Внук затаил дыхание. Он не знал, успокоят эти воспоминания деда или, наоборот, причинят ему страдания. Старик, будто чувствуя его тревогу, произнёс тихо, но с какой-то щемящей теплотой:

– Мне было хорошо с ней, Кирюша. Пусть и недолго, зато как хорошо...

Он поднялся с удобного кресла, бросил мимолётный взгляд на невзрачный лоскут неба за окном и вышел, чтобы умыться. Когда Кирилл доедал уже второй ломтик хлеба с маслом, колбасой и расплавленным сыром, вернулся и сел за стол напротив мальчика.

– Сейчас нет ни голубого моря, ни зелёной травы. Вокруг только беспросветная серость. Как понять: это мир стал чёрно-белым или люди разучились видеть цвета? – задумчиво произнёс художник.

– Мы различаем цвет благодаря восприятию глазами электромагнитных волн разной длины, – ответил внук, вспоминая уроки рисования. – Свет сначала падает на поверхность предмета, отражается, затем проходит через хрусталик и достигает сетчатки. Если предмет поглощает свет полностью, он кажется нам чёрным, целиком отражает – белым. В реальности мир действительно чёрно-белый.

– Но я помню, как он переливался всеми цветами радуги! Куда подевались эти электромагнитные волны? – воскликнул Егор Лаврентьевич, в его голосе звучали нотки досады. – Чёрно-белая гамма – это только одна из их разновидностей. Цвет, безусловно, был самым удивительным явлением, доступным нашему зрению и пониманию! В детстве я полюбил разнообразие палитры. Яркие и насыщенные оттенки сразу привлекали моё внимание – их было легче всего заметить. С годами я научился ценить утончённые тона, которые требуют более глубокого анализа. К сожалению, мы забыли о красках, что когда-то окружали нас.

Мальчик плеснул в чашку сливок и смягчил терпкий вкус кофе.

– Почему так получилось? – спросил он.

– Кажется, люди совершенно перестали думать о красоте

душевной. Они отвыкли мечтать и любить по-настоящему! Духовные ценности заменили блеском плазменных телевизоров, холодом компьютерных экранов и модных смартфонов... И эта бесконечная гонка за иностранными автомобилями... Стремление к богатству порождает жадность и равнодушие. – Старик покачал головой. – Жизнь превратилась в суровое наказание, погрузив человечество в монотонную серость будней.

– Как давно это произошло?

– Когда дочери исполнилось семнадцать лет, природа начала терять своё прежнее очарование. Первым исчез синий цвет, и небо с водой поблёкли. За ним пропал зелёный. Травы стали тусклыми, а деревья вызывали лишь печаль и уныние. – Голос деда дрогнул от горечи. – Если бы ты мог однажды увидеть пестроту осенней листвы... Поверь, это незабываемое зрелище! Привыкнуть к бесцветному окружению оказалось непросто, но я не опустил руки. Занимаюсь живописью, находя в ней новые возможности для самовыражения.

Он коснулся бороды и продолжил, словно размышляя вслух:

– Монохромная палитра портрета, на мой взгляд, превосходно раскрывает характеры и подчёркивает личные особенности людей. Городской пейзаж, лишённый яркого колорита, привлекает внимание к форме зданий. Особенно это заметно на закате, когда солнце рисует длинные тени, позво-

для полнее ощутить фактуру бетона и камня. В этом есть своя тихая, но глубокая красота! Молодое поколение не знает цветового спектра: к вашему рождению мы окончательно освободились от него.

– Печально, – проговорил Кирилл. – Мы выросли в мире, который тебе кажется чужим.

Художник задержал взгляд на внуке. Светлые локоны вокруг бледного лица оттеняли глубину тёмных глаз, подчёркнутых изящным изгибом бровей. Нос с едва заметной горбинкой, высокие скулы и волевой подбородок смягчались нежной линией чутких губ. В душе Егора Лаврентьевича проснулось желание взять кисть и добавить его прекрасному лицу живого румянца, а коже – розоватых оттенков, подарить ей отблеск бронзового загара. Кирилл, смущённый пристальным вниманием, поспешно закончил завтрак. Пожелав дедушке хорошего дня, он отправился на занятия.

Улица встретила его ослепительным солнцем. Нежная, недавно распустившаяся листва деревьев игриво шуршала на ветру. Непоседливые воробьи весело щебетали, перепрыгивая по колючим верхушкам шиповника, в то время как рядом прогуливались гулко курлычущие голуби. Заботливая старушка насыпала пшена, и птицы слетелись в единую стаю. Несмотря на отсутствие красок, природа наполнялась благоуханиями: свежестью молодых трав и распускающихся растений. Вдыхая прохладный весенний воздух, Кирилл в тонкой ветровке и с сумкой на плече уверенно подошёл к мас-

сивным воротам школы. Здесь его ждали двое парней: один – упитанный юноша с круглым лицом и пышной шевелюрой светлых волос, другой – худой как щепка, абсолютная противоположность своему товарищу. Заметив Кирилла, обладатель тучной фигуры поприветствовал его добродушной улыбкой.

Родители Фёдора, первого парня, владели пекарней, которая работала с раннего утра и до поздней ночи: его отец – внимательный и исполнительный человек – спозаранку замешивал тесто, строго следуя рецептуре и рассчитывая нужное количество продуктов. Он раскладывал его по формам и отправлял в печь, постоянно заботясь о качестве хлеба. Готовность изделий он определял по их внешнему виду. Весь день отец проводил на ногах: у него были машины для облегчения труда, но сложные мелкие детали выполнялись исключительно его ловкими руками. В доме мальчишки всегда пахло свежей выпечкой, а от него самого исходил манящий аромат горячих сдобных булочек. Переминаясь с ноги на ногу, он увлечённо жевал пирожок, и его гладкие щёки забавно шевелились, а нос-картошка подёргивался от удовольствия.

Кирилл остановился рядом с ребятами и с усмешкой произнёс:

- У тебя даже уши двигаются.
- Это не какая-нибудь цифровая булка из автоматической пекарни. Это рыбак! С теплом и любовью по старым технологиям. Я для вас тоже взял. – Фёдор протянул полиэти-

леновый пакет с пирожками.

– Лучше после уроков, – ответил Кирилл, поправляя сползающую лямку сумки. – Дед плохо спит, ночами рисует мрачные картины... Боюсь, как бы не заболел. Он таким стал после смерти моих родителей и бабушки. Но в последнее время старик совсем сник.

Лев, второй парень, хрустнул пальцами.

– Почему вы решили, что твои мама и папа погибли?

Щуплый мальчик с тщательно приглаженными волосами и чёлкой, зачёсанной на правый бок, внимательно посмотрел на приятеля. Его глаза, как угольки, сверкали на узком лице с острым носом и тонкими губами, пронизывая колким взглядом, наполненным внутренней энергией. От этого у собеседника возникало лёгкое беспокойство. Казалось, что Лев знает гораздо больше, чем готов был показать.

Кирилл поёжился, почувствовав странную неловкость.

– Внутри автомастерской всё выгорело, одни оплавленные машины остались.

– Пострадало имущество, а вот жертв не нашли, – возразил друг и достал футляр из кармана пальто, провисшего на его худых плечах словно мешок. Вынул очки в роговой оправе, которые придавали ему необычный вид: увеличивали глаза за стёклами, но смягчали жёсткий взор.

– Родителей долго искали... Искали и не нашли.

– Значит, нет никаких доказательств их смерти, – упрямо повторил Лев.

– Прошло много лет... Наверное, дедушка просто устал ждать.

– Надо Егору Лаврентьевичу дать надежду, – оживлённо предложил Фёдор.

Парень доел пирожок и аккуратно вытер пальцы, напоми-
навшие сардельки, белым носовым платком. Кирилл неволь-
но пожалел, что накрахмаленный квадратик ткани перестал
быть таким безупречным. Сомневаясь в решении друга, он
спросил:

– Правильно ли это? Обманывать старика.

– Обмануть – это одно. Но вселить надежду...

– Федя прав, – согласился Лев. – Каждый из нас верит в
чудо. Представь, Кир, каково деду каждый день видеть пу-
стые стулья за столом.

– Мне и представлять не надо. Я подрост, дома бываю всё
реже, вот и грустит старик.

– Подари ему щенка!

– Ты серьёзно?

Кирилл поднял брови в недоумении.

– Щенок вмиг наполнит дом жизнью! Завтра буду кормить
собак в питомнике. Приходи, – пригласил Лев, покачиваясь
на цыпочках и заложив руки за спину. – У них есть спо-
собность дарить радость своей искренней привязанностью.
Вдруг щенок станет для деда лекарством от тоски?

Кирилл слушал Льва, и ему вновь показалось, что этот ху-
дощавый мальчик видит гораздо больше, чем обычный под-

росток его лет. А тот стал рассуждать уже на другую тему:

– Мой отец – парикмахер. Многие недооценивают эту профессию, считают её простой, но я думаю, что стрижка способна изменить характер человека. Это огромная ответственность!

Кирилл одобрительно кивнул. Фёдор же возразил:

– Ну и ходили бы с длинными волосами.

– Без красивых причёсок все походили бы друг на друга. Внешний вид влияет на внутреннее состояние. Люди идут в парикмахерскую не только за новым обликом, но и за переменной настройки. Мой отец любит свою работу и получает от неё удовольствие. Я часто вижу, как он встречает посетителей, внимательно слушает их пожелания. Его руки создают не просто причёску, а образ, и, кажется, он чувствует душу. Поэтому он не просто парикмахер, а ещё и психолог, который умеет найти подход к каждому.

– К нему и хожу, – подтвердил Кирилл.

Лев продолжал размышлять:

– Вот роботы-стилисты могут многое: анализировать данные, учитывать тип волос, форму лица. Они снижают риск ошибок, но остаются продуктом искусственного интеллекта. Я против роботов-парикмахеров, хотя понимаю, что они востребованы.

– Ну ты завернул! – хмыкнул Фёдор. – Мне, честно говоря, всё равно, что у меня на голове, лишь бы волосы в глаза не лезли.

– Твой «куриный пух» подчёркивает инфантильность, – огрызнулся Лев.

– Не знаю, что такое «инфантильность», но звучит обидно, – пробурчал Фёдор.

– Пожалуйста, не ссорьтесь, – тихо попросил Кирилл.

Лев, словно переключаясь, воскликнул:

– А вы утром новости читали? Такое впечатление, что нас нагло обманывают!

– Было хорошее утро, – с досадой пробубнил пухляк, завистливо посмотрел на смеющихся учениц, которые проходили мимо, и махнул им рукой.

– Тебе бы всё веселиться, – проворчал Лев.

Фёдор, не сразу сообразив, что ответить, выпалил:

– А ты пальцами щёлкаешь!

– И у тебя есть привычка: чешешь затылок, когда не знаешь, что сказать, – парировал Лев. – Вот и теперь...

– Обязательно скажешь «сам такой». Не можешь, Лёва, проглотить критику!

– Пусть меня критикуют правильные люди без недостатков.

– Где же такие обитают?

– Да что с вами происходит? – возмутился Кирилл и спросил: – Что пишут?

– Мэр получил грамоту от губернатора за организацию волонтёрского движения.

– Что плохого в этом?

– Он пальцем не двинет, если не увидит выгоды для себя!

– Ты-то откуда знаешь? – Фёдор ковырнул носком ботинка землю под ногой.

– Так люди говорят. А дыма без огня не бывает.

Издалека донеслась громкая музыка, возвещающая о начале уроков. По дороге, вдоль которой тянулись стройные павильоны из умного стекла, мальчики поспешили к длинному трёхэтажному зданию, причудливо изогнутому в форме подковы. Пройдя биометрическое сканирование контроля доступа, разошлись по кабинетам, договорившись встретиться вечером. Друзья собирались навестить Егора Лаврентьевича.

В середине дня Кирилл возвращался из школы. Ветер усилился, раздувая куртку, словно воздушный шар, и парень застегнул молнию до самого подбородка. Почти подлетев к дому, он преодолел ступеньки на крыльце одним прыжком и вбежал в коридор, впуская с собой потоки прохладного воздуха. Плотно прикрыв дверь, отрезая путь сквозняку, он услышал приглушённый голос деда из гостиной:

– Я нарисовал картину, надо её продать!

Кирилл поднялся в мастерскую, где на стенах висели монокромные гравюры. Пейзаж в новой широкой раме всё ещё находился на мольберте. Егор Лаврентьевич изобразил дерево с размашистой кроной и могучим, потрескавшимся от времени стволом, покрытым мхом и лишайником. Тополь на высоком холме обнимал камни корнями, которые напо-

минали узловатые старческие пальцы. Сквозь грозовые тучи пробивалась полоска рассеянного света и падала на растрёпанную листву, предвещая скорое окончание бури. Вопреки ненастью, цепляясь за крутую вершину, тополь один противостоял природе, но был нестигаем и горд.

Подросток завернул картину в ткань, взял её под мышку и отправился на городской блошинный рынок. В шумном торговом районе сложенные ряды продавцов тянулись от станции метрополитена вдоль сквера, волнующегося от ветра. Люди приходили сюда не только зарабатывать, но и пообщаться, расслабиться, обсудить последние новости, поделиться заботами и найти поддержку среди незнакомцев, близких по духу. Разложив на земле картонки и газеты с товарами, они сбывали подержанные вещи, обладающие особой историей их владельцев. Женщины предлагали вышедшую из моды одежду и аксессуары собственного изготовления:

– Эту кофту связала моя бабушка своими руками. Она наполнена теплом заботы!

– Инструменты качественные! Рыболовные снасти проверенные, – призывали мужчины.

– Смотрите, какие редкости! – Покупатели толпились, разглядывая коллекционные монеты, старинные часы и антикварный фарфор, наслаждаясь уникальной атмосферой рынка.

Парнишка встал перед входом в подземку и развернул

картину. «Кто купит?» – подумал он и тут же услышал приближающиеся шаги. Сначала Кирилл увидел аккуратные высокие ботинки с плотной шнуровкой. Затем тонкие ноги в капроновых колготках. Полы лёгкого плаща колыхались, открывая острые коленки. Его взор пробежался по крупным пуговицам вверх и остановился, погрузившись в глубину печальных глаз на восхитительном лице девочки. Длинные волосы незнакомки разлетались в разные стороны, создавая над её головой волшебный ореол. Она говорила, но мальчик не слышал её слов. Машинально приняв купюры из протянутой руки, он отдал пейзаж. Подчиняясь неведомому колдовству, Кирилл продолжал смотреть уже на удаляющуюся хрупкую фигурку. Неожиданно, словно очнувшись, он сорвался с места и бросился за ней, выкрикнув:

– Постой!

Девочка оглянулась и остановилась, ожидая, когда подбегит юный продавец.

– Денег не хватило? – спросила она.

– Достаточно, – ответил он, даже не взглянув на них. – Я Кирилл. А ты?

– Ярославна. Но дома я Рося.

Она продолжила путь, и Кирилл пристроился рядом. Он украдкой бросал любопытные взгляды на спутницу, пытаясь угадать её мысли, и сердце его взволнованно стучало. Одной рукой Ярославна бережно прижимала к себе картину, а другой убирала непослушные пряди волос от лица. Преодолевая

неловкую скованность, Кирилл заговорил, вспоминая историю, услышанную когда-то от деда:

– В Древней Руси княжил Игорь, славный полководец, супруг прекрасной Ярославны. Однажды вместе с сыном и братом он повёл дружину против врага. Но русские воины потерпели поражение и попали в плен. Тогда Ярославна обратилась к силам природы за помощью. Она плакала и упрекала ветер, который помог врагам донести град стрел и поразить русское войско. У Днепра просила волны примчать ладью с мужем домой. Обратилась к солнцу, обвиняя и его: что не заслонило ратников в трудный час. Стихии услышали её мольбы, и вскоре князь вернулся к любимой. Тебя, наверное, в честь той княгини называли?

– Я не знаю.

Ярославна зашагала быстрее. Мальчику пришлось ускориться, чтобы поспевать за ней. Асфальт уступил место грубой гравийной дороге, которая постепенно сузилась, превращаясь в тропинку, поднимающуюся в гору между угрюмыми камнями. Восхождение давалось с трудом, склон становился всё круче, и каждый неверный шаг мог привести к падению. Кирилл обогнал девочку и протянул ладонь: он хотел поддержать попутчицу, но ещё согреть её холодные пальцы. Вскарабкавшись на вершину, подростки спрятались от ветра за единственным деревом.

– Вот он! – произнесла она и показала сначала на тополь, потом на картину.

– Дедушка изобразил это место? Как ты догадалась? – спросил Кирилл, не в силах отвести взгляд от удивительного совпадения.

– Я прихожу сюда, когда хочу побыть одна, – ответила Ярославна. – Знаешь, мои подружки напоминают хрупкие листья: такие же мимолётные. Пока весело, они рядом, но стоит подуть ветру перемен, исчезают. Полагаться на них нельзя. Есть ещё люди-ветви: вроде бы крепче и надёжнее, чем листья. Но даже им нельзя доверять полностью. Рано или поздно сломаются под тяжестью проблем.

– Бывают друзья-корни, Ярославна, – те, что вырастают в самую душу и никогда не отпустят.

– Редкие личности, эти корни! Они не стараются быть на виду, – отозвалась девочка, прислоняясь спиной к шершавой коре. – Как же здесь красиво! Твой пейзаж меня сразил наповал, когда я его увидела.

– Теперь и меня тоже! – прошептал Кирилл, глядя на Ярославну и дерево.

С каждым порывом ветра тополь издавал глухой протяжный вздох. Казалось, что древний страж хранит старинную тайну, способную наполнить сердца светом и мудростью.

Внизу, у подножия холма, раскинулся на равнине город. Справа тянулись одноэтажные дома с палисадниками, огороженными заборчиками. В спальном районе царили безлюдье и тишина. Узкие улочки, перекрещивающиеся друг с другом, плавно переходили в центральную дорогу, ведущую к мосту через змеистую бурлящую реку. Рядом с переправой располагались школа, сквер, рынок и станция метро. Кирилл указал рукой на свой дом. За мостом начиналось шоссе с тротуарами, уходящее в лабиринт однотипных блочных зданий. С левой стороны раскинулся залив. На берегу расположился порт с внушительными гигантами-кранами, вздымающимися над причалами, с пришвартованными к ним рыболовецкими судами. Вдоль воды протянулась набережная, сообщаемая с широкой лестницей и пешеходным бульваром, который заканчивался площадью с величественным белоснежным храмом. В центре ютились высотки, между ними просматривался парк с аллеями стройных рябин. По другую сторону холма дремало небольшое озеро, окружённое полугими сопками. Вся эта панорама разворачивалась перед глазами двух подростков.

Ярославна присела на толстый корень, рядом с собой поставила картину и подтянула колени к груди.

– Отец почти всегда занят работой, но если у него появляется свободная минута, он уделяет её Кларе. Моя сестра – умная и целеустремлённая девушка, поэтому успешно учит-

ся. В её комнатах всегда идеальный порядок: вещи разложены по полочкам, одежда безупречно выглажена и аккуратно развешена в гардеробной. Клара чётко понимает, что хорошо, а что плохо, и уверена в каждом своём шаге. Неудивительно, что родители возлагают на неё большие надежды.

– В комнатах? – переспросил Кирилл.

– Наша квартира занимает целый этаж, – объяснила Ярославна, поднимая с земли лёгкий овальный листок с острым краем. – Постоянно подражаю Кларе, но ошибаюсь и всё делаю не так.

– А что именно ты делаешь «не так»?

– Не могу жить как от меня ожидают. Мама говорит, что Клара её гордость, и сестра этого действительно заслуживает. Я же доставляю одни разочарования. – Девочка с грустью взглянула на собеседника, её голос дрожал. Она добавила: – И вот сегодня сбежала от очередных упрёков...

Ярославна сжала губы, сдерживая досаду. На милое лицо легла угрюмая тень, глаза заблестели от готовых пролиться горьких слёз. Внезапно крупные капли заскользили по нежным щекам, оставляя на коже влажные следы. Кирилл был ошеломлён: в голове эмоции и мысли неумолимо переплелись сложным узлом. Его охватило чувство неловкости, словно он случайно стал очевидцем чего-то запретного. «Как же поступить?» – мучительно размышлял парень, понимая, что наблюдать, как она плачет, невыносимо. Решившись, он опустился рядом и, неуверенно протянув руки, об-

нял её вздрагивающие плечи.

– Прости, я не ожидал такого, – прошептал Кирилл. – У меня даже платка нет.

Ярославна сначала никак не отреагировала, но вдруг громко зарыдала, позволив чувствам, которые она скрывала из страха перед чужим осуждением, вырваться наружу.

– Я непутёвая, непутёвая, – всхлипывала она, уткнувшись лицом в колени.

– Ты считаешь себя хуже других, но каждый человек уникален. Ты просто не видишь своих собственных талантов и достоинств, – попытался успокоить её Кирилл.

Ярославна вытерла рукавом влажное лицо и ответила:

– Спасибо, но мне трудно в это поверить. – Она огляделась по сторонам. – Темнеет.

Подростки не заметили, как наступил вечер: ветер стих и городские постройки окутал туман. Сквозь пелену пробивались редкие огоньки светящихся окон. Тропинка начала исчезать, погружаясь в сумрак, поэтому надо было спешить. Обратный путь занял меньше времени. Они расстались у входа в метро.

– Забегай в гости, – сказал Кирилл на прощание. – Теперь ты знаешь, где я живу. Хочу познакомить тебя с моим дедушкой и ребятами – они замечательные! Федя обожает общение и всегда весело болтает, а Лёва предпочитает внимательно слушать и задавать вопросы.

– Меня подруги не навещают.

– Значит, они ненастоящие, поэтому и приглашать некого, – заметил Кирилл. – Разреши мне быть твоим другом?

– Конечно, – с радостью ответила она и скрылась за тяжёлой деревянной дверью.

Глава 2. В гостях у мэра

Думая о «непутёвой» и такой несчастной девочке, Кирилл вошёл в гостиную, озарённую мягким сиянием мерцающих свечей, и огляделся. На диване, обитом местами потускневшим от времени бархатом, расположились ребята. Они были готовы слушать Егора Лаврентьевича, который сидел за роялем. Старик поправил нотную тетрадь. Парнишка приветственно подмигнул друзьям и устроился в кресле. Дед поднял клап¹, коснулся клавиш. Зазвучала каватина² Нормы из оперы Винченцо Беллини. Кирилл закрыл глаза и представил небо, покрытое густыми тучами. Но мрак рассеялся, когда лунный свет прорвался сквозь тени и озарил холм с царственным деревом. Ветви тополя раскачивались в такт звучащей музыке, а редкая трава трепетала между корнями. На краю обрыва танцевала девочка в длинном платье из шифоновой ткани, которая развевалась лёгкими волнами и напоминала море. Её движения были грациозными и плавными под лирические звуки, но становились страстными с появлением драматических тонов мелодии. Каждая линия тонкого тела изгибалась, словно ветви на ветру, а танец выражал глубокую безысходность. Под напором воздуха локоны её шел-

¹ Клап – откидная крышка, закрывающая клавиатуру.

² Каватина – небольшая оперная лирическая ария (партия для одного голоса).

ковистых волос скользили по бледному лицу, то прикрывали взгляд, полный грусти, то откидывались в сторону, обнажая его, подобно тучам, которые расступаются и открывают луну в ночной тьме.

Тем временем Ярославна бежала по пустынной улочке к едва угадывающемуся вдалеке чёрному силуэту здания. Вспоминая прошедший день, она поражалась капризам погоды: утреннему солнцу, дневному ветру и вечернему туману. Девочка предъявила охраннику пропуск и прошла через тамбурный пост во двор с клумбами и искусственным водопадом, пустующей детской площадкой с песочницей и качелями, зоной для семейного отдыха с беседкой и мангалом. Она вошла в подъезд и поднялась по ступенькам в просторное фойе с панорамными окнами и громоздким столом из лакированной древесины, за которым сидела костлявая старушка с длинными руками. Укутанная в ажурный палантин консьержка внимательно смотрела в монитор видеонаблюдения, она напоминала большого, раскинувшего сети паука. Поздоровавшись с хранительницей порядка и советчицей по решению бытовых вопросов, Ярославна вошла в кабину лифта с хромированными поручнями и зеркалами на стенах из нержавеющей стали. Девочка грустно посмотрела на обрызганные грязью ботинки, готовясь к неприятной встрече с родителями. Заиграла спокойная музыка. Подъёмный механизм плавно двинулся с места, устремившись вверх. Серебряные створки отворились напротив цифры шестнадцать.

Ярославна подошла к двери и открыла её прикосновением пальца к сканеру, прокралась в прихожую. Навстречу ей ни-

кто не вышел. Успокоившись, припозднившаяся дочь прошмыгнула в свою комнату. Свет настольной лампы включился автоматически, и по стенам поползли замысловатые тени от цветов в подвесных кашпо. Переодеваясь в любимую футболку и короткие пижамные шорты, она подумала: «До летних каникул остаётся месяц. Скоро в девятый класс!» Девочка легла на кровать, окружённую невесомыми джунглями из растений, и, накрывшись тёплым одеялом, уснула.

Утро разбудило Ярославну яркими солнечными лучами и коротким стуком в дверь. На пороге появилась красивая ухоженная женщина. Даже в этот ранний час её облик источал безупречную изысканность: густые волосы были собраны в высокую причёску, в ушах поблёскивали дорогие серьги. Изящное чёрное платье до колена подчёркивало стройные ноги в туфлях на танкетке.

«Школу проспала! – Сердце девочки подскочило. Вспомнила: – Суббота же».

– Ты вчера не поужинала, – произнесла мать с мимолётным упрёком в голосе. – И завтрак тоже пропустила. Поднимайся.

Она окинула пренебрежительным взглядом комнату, заметила картину с одиноким деревом. На её лице мелькнуло кратковременное недоумение.

– Умиротворённая скука, – сказала родительница, манерно растягивая слова. – Убери!

– Ну мама, пожалуйста!

– Это не обсуждается.

Женщина плавно развернулась и вышла. Послышался удаляющийся цокот каблучков по паркету. Дочка откинула одеяло, прыгнула с кровати, зашлёпала босыми ногами по прохладному полу к подоконнику, заставленному вазочками, статуэтками, шкатулками и другой всячиной. Накручивая локон на палец, Ярославна разглядывала через стекло далёкий серый холм. Затем взяла пейзаж и положила его на одну из полок шкафа-купе. Посмотрела в зеркало, что было встроено в раздвижную дверь.

– А я похожа на маму? Глаза такие же большие, только ресницы более пушистые и брови гуще. Нос как у неё, а вот губы пухлее. Волосы непослушные, но, может быть, со временем изменятся. – Она сделала несколько шагов назад, затянула просторную футболку на талии. Критически оценив худые колени, добавила: – С возрастом.

После того как Ярославна умылась, она переоделась в повседневное платье, заплела две косички и, пританцовывая, отправилась завтракать. Несмотря на эпизод с картиной, девочка чувствовала себя небывало счастливой.

Кухня выглядела современной: обеденный стол дополняли стулья на металлических ножках, остальные столы были оборудованы выдвижными ящиками и полочками. Вдоль стен стояли закрытые шкафы для хранения посуды, кухонной утвари, бытовых приборов. Напевая под нос старую добрую песенку, около плиты копошилась Зоя, уже немолодая,

полная, но всегда весёлая и энергичная. Мелкие морщинки густо покрывали кожу вокруг глаз и лоб, а глубокие складки пролегли от носа к уголкам рта. Пышные непокорные волосы скрывал поварской колпак, а широкую талию обвязывал фартук. Обычно она носила длинные просторные юбки, лёгкие кофты. Сегодня на ней было платье в крупный горошек. Запястья рук перетягивали тонкие резиновые перчатки. В кухне Зоя чувствовала себя королевой. Кастрюли и сковородки безропотно повиновались её быстрому движениям, помогая создавать кулинарные шедевры. Она обожала кормить людей и видеть их довольные лица.

– Всё остыло. Сейчас подогрею, – сказала кухарка, заметив Ярославну.

Она засуетилась возле пароварки, которая спустя время зашипела, выпуская клубы горячего пара. Перед девочкой появились тарелка риса с растаявшим в горячей белой массе кусочком сливочного масла, чашка какао, разбавленного молоком, и кусочек пшеничного хлеба. Она подула на полужидкую кашу в ложке и отправила её в рот.

– Где ты вчера пропадала? – спросила Зоя. – Родители за ужином ворчали, ох и наслушалась я о методах воспитания.

– Не привыкать, – Ярославна усмехнулась и ответила: – Гуляла по рынку.

– Что-нибудь купила?

– Да. Картину, – она старалась говорить непринуждённо. В её памяти всплыл образ мальчика с взъерошенными

прядами волос и тёмными глазами. Ей не хотелось делиться впечатлениями от встречи с Кириллом и терять свежесть новизны.

– Обычно ты баночки-скляночки покупаешь. – Кухарка поставила на стол вазу с печеньем. – Сегодня вы ужинаете у мэра, он пригласил вас на торжество.

– Эти мероприятия на меня тоску наводят.

Ярославна закончила завтрак и, поблагодарив Зою, направилась к выходу. Уже в дверном проёме девочка столкнулась с Кларой, одетой в сарафан и блузку. Её прямые волосы обрамляли благородный лоб с тонкими, правильно очерченными бровями. Широко расставленные глаза, такие же чёрные, как волосы, при виде Ярославны сощурились, кончик курнозого носа поднялся ещё выше, кукольные губы скривились в притворной улыбке.

– Ох! Потеряшка нашлась! Заставила нас всех понервничать. Мама извелась, места себе не находила, отец не мог уснуть, пока ты не вернулась. Скажи спасибо, что не ругают!

– Спасибо.

– И это всё? Ни капли раскаяния! – Клара резко взмахнула руками, как птица, готовая взлететь. Она пронзительно крикнула: – Ты ужасно выглядишь!

Ярославна с трудом сдержала гнев, нахлынувший на неё волной. Хотя разница в возрасте между ними составляла лишь два года, Клара пыталась казаться взрослее. С великим усилием воли девочка не позволила едким словам сест-

ры проникнуть в её сердце.

В конце дня семья в полном составе села в автомобиль и отправилась на приём к Василию Никифоровичу. Спустя некоторое время машина заехала во двор особняка, оставив позади ворота из металлических прутьев, высокий каменный забор и ряды цветущих клумб. Остановилась возле главного входа. Двухэтажный дом со стенами, выложенными фасадной плиткой под природный камень, производил впечатление своим размером. Крыша завершалась невысоким фронтоном³, украшенным растительным орнаментом. На приподнятой террасе возвышались две колонны, между ними – величественная по размеру дверь. Перед зданием на асфальтированной площадке располагались огромные вазоны с пышными шапками петуний.

Встретить гостей вышел мужчина среднего роста, с лысой головой, круглым лицом и короткой шеей. У него были широкие плечи, упитанный живот, но прямая спина. Дорогой костюм, однотонная рубашка и шёлковый галстук говорили о его положении. Он расстегнул пиджак. Из левого нижнего кармана жилетки свисала длинная серебряная цепочка часов, образуя красивый изгиб до одной из пуговиц. Туфли на ногах блестели. Так же сверкал перстень на пальце руки, протянутой в знак приветствия. Уголки губ мэра приподнялись в подобии улыбки, при этом глаза его оставались холодными.

³ Фронтон – треугольная верхняя часть фасада, ограниченная двускатной крышей.

Отец, мама, Клара и Ярославна проследовали за хозяином в огромный вестибюль, где мраморный пол отражал ряды окон, а с потолка свисала роскошная люстра. Кроме двух мягких диванчиков, здесь не было никакой мебели. На верхний этаж с жилыми комнатами вела широкая лестница, устланная ворсистым ковром. Они свернули направо и попали в вытянутую приёмную, окна которой были декорированы витражами, а освещалась она напольными светильниками. После того как гости миновали ряд открытых шкафов, заполненных книгами, они оказались в просторной столовой, предназначенной для масштабных мероприятий. Её стены украшали фрески с мотивами восточных легенд, они плавно переходили к открытой аркообразной веранде, ведущей во внутреннее пространство двора с небольшим бассейном.

В зале были расставлены столы со скатертями, на них возвышались стопки тарелок и этажерки с бокалами, а графины морсов и соков стояли на плотных салфетках. В воздухе витал аппетитный аромат еды. Гости не спешили, они прогуливались между столами, весело общались, самостоятельно наполняли тарелки разнообразными закусками и располагались возле отдельно установленных тумб.

Закуски были изысканно миниатюрные: канапе с маслинами и карбонатом на тонких ломтиках хлеба, украшенные творожным сыром; куриное филе, нанизанное на шпажки; крошечные бутерброды с рыбой, чёрной икрой и морепро-

дуктами; салаты в изящных тарталетках; маринованные грибы в маленьких корзиночках. На столах находились мясные тарелки с разными видами колбас, отварным языком и нарезкой буженины, дополненные помидорами черри и маринованными корнишонами; сырны тарелочки с фруктами, орехами, виноградом, апельсинами и печеньем. Также были овощные и рыбные блюда, суши и роллы. Все эти закуски выглядели очень аппетитно! Официанты предлагали гостям разнообразные напитки, разлитые по бокалам, которые можно было взять с подноса. Кроме холодных закусок, на фуршете были представлены горячие блюда: вкуснейшие блинчики, жульен в кокотницах и куриные крылышки.

– Я глубоко тронут вашими поздравлениями. Искренне благодарю за тёплые слова. Они действительно сделали мой день рождения особенным и запоминающимся, – чётко и громко произнёс Василий Никифорович, приблизившись к микрофону в центре зала под щелчки фотоаппаратов и яркие вспышки. – Как глава города я вместе со своей командой продолжаю неустанно трудиться над выполнением всех намеченных планов по благоустройству. В ближайшее время мы завершим ремонт дворовых территорий и реализуем программу обновления муниципального общественного транспорта, а также активно займёмся обустройством социальных пространств. Моя работа направлена исключительно на благо родного города, его развитие и процветание! Пусть наш общий дом станет ещё комфортнее, красивее и уютнее для

каждого жителя!

Пока публика аплодировала, Ярославна подошла к графинам и наполнила бокал тягучим вишнёвым напитком. Взяв пирожное с тарелки, она поспешила покинуть столовую. Ей захотелось убежать от праздничной суеты, найти тишину и уединение. Уже знакомой дорогой она направилась в приёмную, пересекла вестибюль и неслышно открыла дверь в бильярдный зал.

На поверхность стола, обтянутого сукном и имеющего шесть подвешенных луз, падали яркие лучи светильников на длинных свесах. Они создавали в тёмной комнате загадочную атмосферу. В специальных подставках, словно солдаты на посту, выстроились кии, а игральные шары лежали на полочках. На дальней стене белым призраком выделялся экран для просмотра фильмов, напротив которого стояли кресла и барная стойка с высокими стульями. Девочка собиралась сесть на один из них, но услышала приближающиеся голоса. В панике она метнулась за плотные шторы, которые скрыли беглянку от посторонних глаз. Забытый на столе бокал с соком остался единственным безмолвным свидетелем её стремительного исчезновения. Тишина дрогнула, как тонкий лёд, под тяжестью шагов вошедших. Ярославна прислушалась и узнала низкий тембр Василия Никифоровича. Он рассказывал о чём-то важном, в его голосе звучала неприкрытая гордость:

– В детстве я был слабым и часто болел, сталкивался с на-

смешками одноклассников. Но, преодолевая все трудности, я учился и постепенно обрёл силу и уверенность в себе. Я овладел искусством достигать своих целей и не сдаваться. Поэтому сегодня принимаю ответственные решения и продолжаю двигаться вперёд.

– Довольны ли жители города своим существованием? – робко поинтересовался её отец.

При звуке его голоса по коже Ярославны пробежали мурашки. Она встревожилась: «Если он найдёт меня здесь, наказания не избежать. Придётся сидеть взаперти». Несмотря на любовь к одиночеству, неделя тишины без единого слова казалась невыносимой.

– Рабочие места есть для всех, зарплату получают вовремя. Не нужно беспокоиться за будущее своих детей. Я устроил очереди в детские сады и школы. Поступление в высшие учебные заведения происходит на конкурсной основе, в зависимости от уровня знаний абитуриентов, – отчеканил мэр.

Ярославна старалась не выдать себя шорохом, осторожно отодвинула край шторы и принялась разглядывать сквозь узкую щель незваных посетителей. Василий Никифорович подошёл к барной стойке, а отец, облачённый в приталенный пиджак сложного кроя, узкие брюки и туфли из дорогой кожи, стоял к ней спиной. Она замерла, став похожей на испуганную мышку, и затаила дыхание, боясь оказаться обнаруженной. Веки её задрожали, и в воображении разыгралась самая нелепая сцена разоблачения.

– Одна тяжесть, которая давит на мои плечи, – это беспросветная мгла смерти сына. – Мэр достал платок, смахнул испарину со лба и расстегнул верхнюю пуговицу рубашки, словно ему не хватило воздуха.

Отец, повинувшись невидимой команде, повернулся и машинально провёл длинными нервными пальцами по редеющим прилизанным волосам. Рядом с Василием Никифоровичем он казался блёклой тенью: вытянутое лицо с запавшими щеками, узкие глаза, хищный горбатый нос и губы, вечно сжатые в тонкую линию. Он научился угождать, находясь в постоянном страхе упустить хоть малейшую выгоду. Неутолимая жажда славы и желание выделиться из безликой толпы привели его в высшее общество.

– Кто бы мог предвидеть, что всё закончится так печально, – Василий Никифорович понизил голос до едва слышного шёпота. – Павел должен был отдыхать, а не возиться в своей автомастерской. Всё пошло не по плану. Да ещё эта... с пирожками!

– Вы имеете в виду его супругу? – осторожно уточнил собеседник.

– Мы не одобряли их союз. Упрямство и непослушание привели его к гибели, но ей тоже досталось. Ходит теперь умалишённая.

– Ева?

– Да, в Горске. Проводит бессмысленные дни.

Отец застыл в оцепенении, ужаснувшись своей догадке, и

произнёс:

– Художник много лет скорбит, оплакивая жену и дочь. Внук вырос, не зная материнской ласки. Это так жестоко!

– Горе неумолимо меняет нас. Моя супруга оказалась не готова к подобным испытаниям и сбежала, оставив меня наедине с болью. – Василий Никифорович едва заметно приподнял бровь, в его взгляде скользнул отблеск лукавства. – Ты ведь умеешь хранить тайны, не так ли?

Неожиданный вопрос заставил отца закашляться. Мэр, желая поскорее сменить тему, пробормотал, направляясь к выходу:

– Пожалуй, стоит попросить убрать этот бокал... Боюсь, гости нас уже заждались.

Верный помощник, понуро опустив плечи и сутулясь, как серый волк, поплёлся следом. Ярославна восстановила дыхание и выглянула из-за тяжёлой шторы. Она, убедившись, что осталась одна, быстро покинула бильярдную. Девочка проходила мимо шкафов, когда её взгляд случайно скользнул по вертикальным корешкам книг и остановился на уголке бумаги, торчащем между ними. Её охватило необъяснимое любопытство. Рука сама собой потянулась к полке. Это оказался почтовый конверт, аккуратно сложенный вдвое. Ярославна прочитала напечатанный адрес отправителя: «Горск, Тенистая аллея, дом 8». Украдкой положив находку в карман платья, она осознала, что стала невольной свидетельницей чужой тайны.

В это же время во дворе дома художника Кирилл и Лев возились с урбаносипедом, регулируя правую педаль на переднем колесе. Фёдор задумчиво произнёс:

– Как же я мечтаю об углепластиковом техносипеде самой продвинутой модели! С GPS-навигатором, экономным LED-дисплеем, дисковыми тормозами и оригинальной карбоновой рамой.

Он сидел на раскладном стульчике, широко расставив ноги и склонив пушистую голову над схемой одной из основных частей конструкции. Лев ухмыльнулся, внезапно подавшись забавной мысли:

– Этот без цепи, да ещё и складывается! Идеальный городской велосипед! А тебе, Федя, не техносипед нужен, а лежестрайк, чтобы спортом заниматься, лёжа на боку. Представляешь, надоест крутить педали в полулежачем положении – включаешь электропривод!

– А ты заслуживаешь экосипед! В сложенном виде он поместится даже в сумку! – огрызнулся обиженный Фёдор.

– Опять спорите. – Кирилл бросил недовольный взгляд на друзей.

– Зато нескучно! А ты чего вдруг помрачнел? – поинтересовался Фёдор.

– Меня мучает вопрос, – ответил Кирилл. – Что чувствует человек, когда самые близкие люди не видят в нём ничего хорошего и постоянно критикуют?

Воцарилась тишина. Фёдор с тревогой посмотрел на Льва.

Его взгляд спрашивал: «Что случилось с Киром?»

– Человек, подобно цветку, нуждается в заботе, – задумчиво сказал Лев. – Когда родные отворачиваются, возникает ощущение ненужности и страх быть нелюбимым. В таком состоянии легко замкнуться в себе или, наоборот, начать искать виноватых в своих бедах, выплёскивая обиду на всех вокруг.

– Стать одиноким. – Федя положил чертежи в папку. – Это как оказаться на необитаемом острове.

– Решив, что рядом нет друзей, можно не заметить настоящие отношения и не увидеть протянутую руку помощи. – Лев внимательно взглянул на приятеля, пытаясь понять его.

– В стремлении быть любимым нет ничего плохого. – Кирилл установил урбаносипед на подставку.

– Полностью согласен, – поддержал Фёдор.

– Почему ты вдруг заговорил об одиночестве? – прямо спросил Лев.

– Есть одна девушка... Ей сейчас нелегко.

– Ага! Вот где ты вчера пропадал! – Фёдор радостно воскликнул: – Свидание!

Кирилл нахмурился ещё больше.

— И что с того?

— Может, познакомишь нас? — не унимался друг. — Знаешь, когда у меня что-то не ладится, я сразу иду к отцу и маме. Для них я по-настоящему важен. Они никогда меня не осуждают и не сравнивают с другими. Но чаще я всё-таки прихожу к вам.

— Познакомлю, — ответил Кирилл и добавил: — Иногда бывает сложно найти общий язык с родителями, и тогда человек может почувствовать себя покинутым.

— Настоящие товарищи всегда приходят на помощь в нужный момент, — подбодрил его Фёдор. — Наша дружба для меня как спасательный круг в житейских штормах. Она крепче, чем у других, и это делает нас особенными.

— Не забыли нашу первую встречу? — спросил Кирилл и вспомнил давнюю историю.

В первом классе он столкнулся с громилой по прозвищу Каланча, который попытался отобрать его карманные деньги. К счастью, учительница вовремя вмешалась и наказала обидчика. Через неделю, забыв о неприятном происшествии, он отправился к реке, где ему всегда нравилось проводить время. Он подбирал плоские камешки и запускал их в воду, с интересом наблюдая, как от точки падения расходятся круги. Солнце ласково согревало, а лёгкий ветерок приятно освежал его лицо. Вдруг он услышал голос, звучащий

как гром: «Смотри-ка, кто тут!» Перед ним появилась высокая фигура Каланчи, а за его спиной маячили двое прыщавых хулиганов. Сердце Кирилла забилося быстрее, в животе похолодело, а кончики пальцев предательски онемели. Его взгляд метался по угрюмым лицам парней в спортивных куртках и штанах. Они начали угрожающе приближаться. Каланча оценил его презрительным взглядом, недобро оскалится и потребовал деньги. Кирилл судорожно засунул руки в карманы, тревожно озираясь в поисках спасения. Вокруг ни души. Казалось, что всё потеряно, и паника сдавила его грудь. Парни сжали кулаки, расстояние между ними неумолимо сокращалось. «Может, мирно разойдёмся?» – робко предложил Кирилл и попытался обойти их стороной. Но они преградили ему путь, крепко вцепившись в плечи. В эту минуту приехали мальчишки из его школы.

– На стареньком «Салюте», – добавил Фёдор. – Лёва крутил педали, а я болтался сзади на багажнике, как мешок с картошкой. Каланча резко обернулся, испепеляя нас враждебным взглядом. Мы спрыгнули с велосипеда, и я прислонил его к дереву. «Что за шум здесь творится? – грозно прогремел Лев, надвигаясь на обидчиков. – Это мой друг! Советую вам убратся, пока не поздно». Напряжение повисло в воздухе, как натянутая струна. Вся их уверенность куда-то улетучилась. Каланча притворно всхлипнул. «Ну чего ты, не плачь, – сказал он тебе, а затем обратился к нам: – Мы всего лишь собирались с новичком подружиться!» Внезапно он

кинулся к велосипеду и схватил руль: «Тогда отдайте нам его в качестве небольшой платы за вашего приятеля!» Я хотел ему помешать, но мощный толчок в грудь сбил меня с ног. Да уж, приложился я занятно. Острые камни больно врезались в моё нежное тело.

– Один из хулиганов осмелел и набросился на тебя, – продолжил Кирилл. – Лев не выдержал, с яростным криком «Ах ты!» ринулся вперёд и со всей силы врезал наглецу в живот. Тот скорчился, издал хриплый звук и рухнул на колени. Ободрённый успехом, я прицелился и метко заехал второму точно под глаз. Каланча, не медля ни секунды, запрыгнул на велосипед, разогнался и помчался по тропинке в сторону города. Остальные, опустив головы, поплелись за ним. После этой потасовки вы остались со мной на берегу. Лев, с облегчением выдохнув, подмигнул мне и произнёс: «Теперь мы команда! Больше ты не один, приятель!» Мы пожали друг другу руки и скрепили этим новоиспечённую дружбу.

– Вот это было представление! Прямо как в кино! – захотел Лев. – Противник истошно ревел и жалобно скулил, словно раненый зверь.

– Удачно я тогда приземлился, отделался лишь шишкой да грязной одеждой. Ох и влетело же мне дома! – Фёдор дружески хлопнул Льва по плечу. – Велосипед они бросили в кусты, но я его потом нашёл.

Лев с теплотой в голосе сказал:

– Добрый старенький «Салют» повидал много наших при-

ключений. Теперь он пылится в гараже. У него постоянно спускалось заднее колесо. Приходилось останавливаться каждые несколько километров, чтобы подкачать его. Велосипед был мне верным помощником. Глядя на него в гараже, я вспоминаю все те замечательные моменты, которые мы пережили вместе. Он больше не ездит, но навсегда останется в моей памяти как символ счастливого детства. Теперь у каждого из нас есть урбаносипед.

– Может быть, мы решим его починить и снова отправимся в путь. Кто знает, какие новые приключения нас ждут впереди? – предположил Фёдор.

Глава 3. Дружба и надежда

В воскресенье Ярославна отправилась к Кириллу. Перейдя через мост, девочка оставила позади оживлённые улицы с непрерывным движением автомобилей. В тишине спального района сердце громко стучало: «Тук-тук, дорогой друг, тук!» Ожидание встречи с мальчиком вызывало у неё приятное волнение. На крыльце дома она пригладила волосы и нажала на закруглённую кнопку звонка. Звук напоминал трель тропической птицы. Донеслись приближающиеся шаги, после раздался щелчок открывающегося замка. На пороге появился пожилой мужчина в скромной одежде и, не скрывая удивления, предложил девочке войти.

– Позову внука, – произнёс он, указывая на гостиную. – Пожалуйста, подождите там.

Ярославна внимательно осмотрела комнату и была поражена тем, что современные люди могут жить в таких условиях. Обстановка этой гостиной напоминала убранство особняка мэра, хотя и была более скромной. Здесь царил домашний уют, и в каждом уголке чувствовалось тепло заботливых рук. Их-то квартира отличалась функциональной планировкой без излишеств. В ней всё имело строгое назначение: отдельные спальни, кабинеты, гардеробные. Некоторые детали и необходимые элементы скрывались и выдвигались из пола и стен. Модульные перегородки и универсальная мебель

были оборудованы автономными источниками электроэнергии. Технологии умного дома позволяли управлять электроникой через приложение на смартфоне. Система приспосабливалась к потребностям пользователей. В каждой комнате поддерживался микроклимат с комфортной температурой и уровнем влажности. Диодные лампы адаптировали освещение к обстоятельствам: они создавали мягкий свет во время ужина и яркий при занятиях. Голосовое управление позволяло легко взаимодействовать с домом и выполнять команды без лишних усилий. Ярославна всегда воспринимала подоконник, украшенный безделушками, как свою роскошь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.